

Мейер К.

ГЕОРГ ЕНАЧ

ИСТОРИЯ В РОМАНАХ

История в романах

Конрад Мейер

Георг Енач

«Алгоритм»

1876

УДК 821.112.2
ББК 84(4Ш)

Мейер К. Ф.

Георг Енач / К. Ф. Мейер — «Алгоритм», 1876 — (История в романах)

ISBN 978-5-486-03958-4

Конрад Фердинанд Мейер (1825–1898) – швейцарский поэт и писатель, один из наиболее выдающихся мастеров исторической новеллы. Он поздно пришел в литературу. Дебютировал сборником «Двадцать баллад» (1864), а профессионально начал заниматься писательской деятельностью в сорок пять лет. В своих произведениях Мейер изображал исторические эпохи, насыщенные острой и напряженной борьбой. Достоинство его новелл заключается в их большой психологической правде, в верности исторического колорита. В данном томе публикуется самый значительный роман писателя, повествующий о тех временах, когда Швейцария, маленькое государство, состоящее из полунезависимых кантонов, не признанное иностранными державами, оказалось вовлеченным в Тридцатилетнюю войну. В центре романа фигура крупного политического деятеля, борца за реформатскую церковь Георга Енача, возглавившего освободительное движение швейцарцев в XVII веке.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Ш)

ISBN 978-5-486-03958-4

© Мейер К. Ф., 1876

© Алгоритм, 1876

Содержание

Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Конрад Мейер

Георг Енач

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

* * *

Из эпохи борьбы швейцарского народа за независимость

Часть первая

I

Над окаймленным острыми утесами ущельем Юльер в Граубюндене стояло полуденное солнце. Раскаленные каменные стены сверкали под прямыми жгучими лучами. Мгновеньями, когда облака закрывали солнце, горизонт суживался, горы вырастали и суровыми, крутыми громадами надвигались друг на друга, редкие снежные пятна и выступы ледников между зубчатыми вершинами то вспыхивали искрами на солнце, то облекались зеленоватою тенью. Стояла гнетущая душная тишина. Только жаворонок порхал между голыми скалами, и резкий свист сурка временами врезался в это молчание пустыни...

По обе стороны тропинки, посреди широко раскинувшихся гор, стояли две колонны с обломанными капителями, выжившие уже не одно тысячелетие. В выдолбленном ветрами и бурями углублении в ущербленной верхушке одной колонны скопилась дождевая вода; птичка, попрыгивая по каменному краю, пила прозрачную воду...

Внезапно издали донесся повторенный и преображенный эхом собачий лай. На поросшем местами травой горном скате спал пастух. Разбуженный собачьим лаем, он вскочил, накинул на себя куртку и смелыми прыжками бросился с крутого уступа вниз собирать свое овечье стадо, далеко раскинувшееся по склонам белыми подвижными точками. Один из его косматых псов помчался за ним; другой, – старый, вероятно, пес, не отважившийся прыгать по обрывам, – стоял на выступе скалы и беспомощно визжал...

Зной разгорался, сгущалась духота. Солнце поднималось выше и выше. Облака плыли бесконечной чередой.

У ног черной, влажной от близких ледников скалы струились беззвучно стекавшие в небольшое озеро серебристые нити водопадов. Причудливых очертаний исполинские утесы окружали чистую, прозрачную до дна воду. С горной тропинки видна была та часть зеркальной глади, где озеро, мелея, переходило в небольшой сочный зеленый луг. На этом зеленом пятне то появлялась, то вновь исчезала голова пасшейся кобылы; несколько дальше две лошади мирно щипали траву, а третья пила холодную воду.

Наконец показался и человек. Поднявшись из западной части ущелья, он вышел круто извивавшейся тропинкой на вершину. Это не был горец с обветренным, опаленным солнцем лицом. Одет он был по-городски, ноша его в ремнях за спиной была не тяжела – магистратский плащик и короткая шпага. Но шагал он молодо и легко, и умными, быстрыми глазами оглядывал чуждый ему горный мир. Наконец он подошел к двум римским колоннам. Здесь он снял ранец, прислонил его к колонне, вытер лицо чистым платком и, увидев воду в углублении другой колонны, освежил лоб и руки; затем отступил на шаг назад и с благоговейным любопытством стал разглядывать свой античный умывальник. С деловитым видом вынул он из кармана записную книжку и принялся зарисовывать эти древние колонны. Немного погодя он с удовлетворением полюбовался своей работой, осторожно положил раскрытую книжку на ранец, взял свою палку с надрезами, обозначавшими разные меры, опустился на одно колено и тщательно измерил высоту достопримечательных колонн.

«Пять с половиной футов высоты», – проговорил он про себя.

– Это еще что такое? Шпионаж?! – прогремел над ним могучий бас.

Молодой человек быстро вскочил на ноги и увидел перед собою седобородого старика в простом одеянии слуги, сверкавшего на него недружелюбными глазами.

Но молодой путешественник, выставив одну ногу вперед и подбоченившись лихо, бесстрашно и плавно повел речь с внезапно выросшим перед ним стариком:

– А вы кто такой и по какому праву вы позволяете себе мешать моим научным наблюдениям в кантоне Граубюндене, связанном с моим родным городом и республикой Цюрих договорами, скреплявшимися неоднократно и торжественными присягами? На ваше обидное подозрение могу ответить только презрением... Не намерены ли вы заградить мне дорогу? – продолжал он.

Старик, растерявшись от неожиданности и разгневанный смелым отпором, стоял перед ним как вкопанный.

– Что это? Мы живем в темные Средние века или в начале просвещенного семнадцатого столетия? Вы знаете, кто перед вами?.. Не угодно ли вам знать: магистратский писарь Генрих Вазер, *civis turicensis*.

– Вздор! – процедил сквозь зубы старый граубюнденец.

– Оставь господина в покое, Лукка! – донесся властный окрик из-за скал направо от дороги.

Молодой человек, невольно двинувшийся к озеру на звук голоса, скоро увидел в нескольких шагах от себя расположившихся на отдых путешественников. Подле темноглазой девочки, едва вышедшей из детского возраста, сидевшей на ковре, постланном в тени скалы, стоял красивый, стройный рыцарь; в том, что это был человек знатного происхождения, и сомнения быть не могло, хотя он одет был очень просто и при оружии без всяких украшений. На берегу озера паслись освобожденные от седел и сбруи лошади трех путешественников.

Молодой человек уверенными шагами подходил к знатному граубюнденцу. Бледное личико девочки внезапно осветилось шаловливой улыбкой.

Юноша почтительно снял шляпу, низко поклонился и заговорил:

– Ваш покорный слуга, господин Пом... – И осекся, словно ему пришло вдруг в голову, что этому человеку, быть может, и нежелательно слышать здесь свое имя.

– Привет, Вазер! – ответил рыцарь. – Можете смело называть среди этих гор имя Помпеуса Планта. До вас дошло, по-видимому, что я изгнан навсегда из Граубюндена, что я вне защиты законов и даже больше – что голова моя оценена в тысячу флоринов. Я разорвал в клочки бумагу, которую осмелился послать мне духовный суд из Тузиса... Но вас, Генрих, награда за мою голову, наверно, не прельщает. Присядьте к нам и выпейте вина. – С этими словами он протянул ему кубок, наполненный до краев темным вальтеллинским вином.

Молодой человек молча смотрел несколько мгновений на красную влагу, подумал и, подняв кубок, сказал:

– За торжество права, за прекращение партийных распри в старой Ретции и, прежде всего, за ваше здоровье, Помпеус Планта, и за скорое восстановление вас во всех ваших правах и заслугах!..

– Благодарю! Но прежде всего – за прекращение ненавистного самовластия черни, покрывающей страну нашу позором и обогащающей ее кровью...

– Позвольте мне, как гражданину нейтральной республики, – осторожно вставил Вазер, – не высказывать своего суждения о сложных взаимоотношениях сословий в Граубюндене. Нельзя, конечно, не пожалеть о кое-каких нарушениях обычаев и неправильно-стях, имевших место в последнее время; но скажу откровенно: я, с своей стороны, и осуждать никого не могу...

– Нарушение обычаев! Неправильности!.. Такими словами вы называете мятежи, грабежи, секвестры частного имущества, смертные казни? Нечего сказать! Пускай чернь окружает мой замок, пускай поджигает мои амбары... Меня изобразили им в виде изменника родине, и я могу еще оправдать их злобные выходки... Но то, что эти жалкие пасторы назна-

чают судей из подонков народа, не брезгают ни виселицей, ни свидетелями, которые лживее евангельских лжесвидетелей, – это уж позор перед Богом и людьми...

– На виселицу всех пасторов! – прогремел за ними бас слуги, уже надевавшего сбрую на лошадей.

– Но таковы уже вы, цюрихские граждане, – продолжал Планта, – у себя отстаиваете самый умеренный образ правления и отрешиваетесь от всяких новшеств и переворотов... Если бы у вас всплыл такой молодец, как наш пастор Енач, он давно уже сидел бы за десятью замками в Велленберге, или вы живо отрубили бы ему голову. Но издали это чудовище вас пленяет, и вы рукоплещете его озорству. Ваш беспокойный, жадный на все новое дух тешится заревом бунтов, пока вы сами вне опасности.

– Позвольте... – начал было опять Вазер.

– Оставим это! – оборвал его граубюнденский патриций. – Не хочу себе портить кровь. Сейчас я здесь не как глава партии, а только исполнения ради родительского долга. Моя дочурка Лукреция – вы ее знаете – была до сих пор у благочестивых сестер в монастыре в Казисе, куда я спрятал ее, когда надо мной разразилась гроза... А теперь я везу ее безлюдными тропинками в итальянский монастырь, где она будет обучаться изящным искусствам. А вы? Куда вы держите путь?

– Я на экскурсии, господин Помпеус. Пользуюсь каникулами, чтобы стряхнуть с себя книжную пыль и приглядеться немного к граубюнденской флоре. С тех пор как наш земляк Конрад Гесснер создал науку ботанику, мы усердно ее изучаем... Притом это и как бы вознаграждение мне за другое путешествие, от которого я добровольно отказался: я должен был, – продолжал он робко, но не без тайного тщеславия, – поехать в Прагу ко двору чешского короля, где благодаря особой ко мне милости назначен был пажом.

– И очень умно поступили, не поехав туда, – насмешливо бросил Помпеус Планта. – Этого несчастного короля ждет в недалеком будущем печальный и позорный конец. А затем, – язвительно добавил он, – если вас увлекает флора Реции, то надо бы вам ознакомиться и с флорой Вальтеллины... Вот вам и повод навестить вашего школьного товарища Енача в его судилище...

– Если бы и навестил его, преступлением это не счел бы, – ответил Вазер и вспыхнул от негодования, возмущенный неделикатным вмешательством в его планы.

– Негодяй он! – проворчал Помпеус Планта.

– Извините, но... конечно, это у вас в пылу гнева вырвалось... У вас и есть, быть может, основание возмущаться моим школьным товарищем, и я не стану теперь оправдывать его... Позвольте лучше сказать мне несколько слов об этих замечательных колоннах: они римского происхождения? Вы должны это знать: ведь ваш знатный род известен в этих горах со времен императора Траяна...

– Все это скажет вам ученый друг ваш, кровавый пастор, – ответил Планта. – Ты готова, Лукреция? – крикнул он девушке, которая удалилась от них, когда Планта стал горячиться, и с огорченным личиком стояла подле одной из колонн.

Слуга подвел к ней снова оседланную лошадь.

– Прощайте, Вазер! – сказал Планта, вскочив на другого коня. – Не могу пригласить вас заглянуть на обратном пути ко мне в Домшлег, что не преминул бы сделать при других обстоятельствах. Эти подлецы, стоящие теперь у кормила власти, опечатали мой замок и повесили на моих воротах обесчещенный ими герб Граубюндена.

Вазер поклонился и несколько мгновений задумчиво смотрел вслед уезжающим. Затем наклонился и поднял с земли свою раскрытую записную книжку, но, прежде чем захлопнуть ее, взглянул опять на свой рисунок... А это что? Детская неискусная рука вписала большими буквами между торопливо зарисованными силуэтами колонн: «Giorgio, guardati!» («Георг, берегись!»)

Вазер, качая головой, закрыл книжку и сунул ее глубоко в карман.

Тучи тем временем сгустились и уже темной пеленой затягивали небо.

Вазер быстро шагал среди потемневших гор. Живые глаза его время от времени еще останавливались на мрачных, жутких теперь, скалистых громадах, но он уже не старался, как утром, с жадным любопытством удерживать в памяти их причудливые очертания. Он напряженно думал и с помощью воспоминаний искал ключ к разгадке вписанных в его книжку слов.

Это предупреждение могло быть написано только Лукрецией.

Когда зашла речь о Еначе, она, вероятно, догадалась о его намерении навестить друга детства... И отошла в сторону с трепетным сердцем, с желанием как-нибудь дать знать молодому пастору в Вальтеллине о грозившей ему опасности. И, очевидно, рассчитывала, что книжка эта попадется ему на глаза...

От этих догадок, мысль Вазера протянулась бесконечно вившейся нитью к далекому детству. И на мрачном фоне ущелья Юльер всплыла перед ним одна веселая, яркая картина, в центре которой опять стояли Помпеус Планта и его дочь Лукреция...

II

Вазер видел себя в темной классной комнате, в доме, прилегавшем к большому собору. Это было в 1615 году. Стоял знойный летний день. Почтенный магистр Землер толковал своей юной аудитории стих «Илиады», заканчивавшийся звучным словом «magadi». «Magas», – объяснял он, – значит – труба. Это звукоподражательное слово. Вам не кажется, когда я произношу это слово, что вы слышите трубные звуки в лагере ахейцев?» Он остановился перед большой стенной картой Греческого архипелага и пронзительно взвизгнул:

– Magadi!

Его геройское усилие встречено было оглушительным хохотом, который магистр выслушал с явным удовольствием, не замечая насмешки, звучавшей в одобрении повеселевших учеников. Он и не подозревал, что благодаря этой ежегодно повторяемой эффектной сцене за ним давно утвердилась кличка Магади, передававшаяся из класса в класс сменяющимися друг друга поколениями.

Внимание Генриха Вазера уже несколько минут, впрочем, поглощено было другим обстоятельством. Он сидел против старых дверей и уловил легкий стук, с небольшими промежутками повторившийся два-три раза. Затем дверь тихонько приоткрылась, и он увидел в щель два детских глаза. Когда раздался трубный звук, маленькая посетительница, очевидно, приняла его за приглашение войти, произнесенное на каком-то чуждом ей языке.

Дверь бесшумно раскрылась, и на высоком пороге показалась девочка лет десяти, с темными глазами и своевольным ртом. Она подошла с корзинкой в руках к почтенному Землеру, благовоспитанно присела перед ним и сказала:

– С вашего позволения, синьор маэстро. – И подошла прямо к Георгу Еначу, которого тотчас разглядела в толпе учеников.

Странное впечатление производил Георг Енач среди своих товарищей, пятнадцатилетних подростков. Он был выше их целой головой. Темные, густые брови и пробивавшаяся уже на щеках борода придавали его смуглому лицу почти мужественное выражение. Он давно уже вырос из своей узкой куртки, и его крепкие руки выступали далеко из коротких рукавов. Когда в класс вошла девочка, лицо его залила темная краска стыда. Он сидел недвижимый и серьезный, но глаза его смеялись.

Девочка остановилась подле него, обняла его обеими ручками и сердечно поцеловала его в губы.

– Я слышала, Георг, что ты здесь недоедаешь... – сказала она. – Вот, я тебе кое-чего привезла... Немного вяленого мяса... ты всегда так охотно его ел... – тихо добавила она.

Класс огласился безудержным хохотом, и Землер тщетно пытался укротить властно поднятой рукой разошедшихся юношей. Девочка смотрела на них испуганными, полными слез глазами и крепко сжимала руку Енача, словно у него одного рассчитывала найти защиту и поддержку...

Укоризненный голос магистра Землера перекричал наконец хохот мальчиков:

– Что тут смешного, вы, ослы! Трогательно-наивный поступок классической красоты... И неведение ваше так же глупо, как если бы вы стали потешаться над бесподобной фигурой божественного свинопаса или над тем, что царская дочь Навзикая стирала белье. Глупо и недостойно, повторяю вам опять... Ты из Граубюндена? Кто ты такая, девочка? – с отеческой приветливостью обратился он к ребенку. – Кто привез тебя сюда? Не могла же ты прийти в Цюрих пешком? – прибавил он, пародируя строфу своего излюбленного Гомера.

– Моего отца зовут Помпеус Планта, – ответила девочка и спокойно рассказала: – Я приехала с ним в Рапперсвилль и, когда увидела это прелестное голубое озеро и узнала, что на другом конце лежит город Цюрих, отправилась сюда. В одной деревне два рыбака собирались уже отчалить. Я сказала им, что очень устала, и они взяли меня с собой...

Помпеус Планта, виднейший гражданин Граубюндена, всемогущий глава партии. Имя это произвело на Землера ошеломляющее впечатление. Он тотчас прекратил занятия и повел девочку в свой гостеприимный дом, где в этот день обедал и Вазер, которому магистр приходился дядей по матери.

Когда они спускались по крутой Ремергассе, то встретили высокого, статного господина в сапогах со шпорами.

– Наконец-то! – воскликнул он и, подняв девочку на руки, горячо расцеловал ее. – Что это тебе вздумалось от меня убежать, Лягушонок?

И, не дождавшись ее ответа и не спуская ее с рук, приветливо поклонился Землеру и заговорил по-немецки свободно, но с легким чужеземным акцентом:

– У вас была сегодня в школе необычная посетительница, профессор. Простите, ради бога, мою дикарку, отважившуюся прервать вашу ученую лекцию.

Землер уверял, что он чрезвычайно рад и считает для себя большой честью знакомство с маленькой барышней и ее достойным отцом.

– Не окажете ли мне еще честь разделить скромный обед со мной и моей женой? – добавил он.

Помпеус Планта тотчас согласился и по дороге рассказал, как он заметил исчезновение Лукреции, мгновенно вскочил на коня и примчался за нею в Цюрих по ее следам. Дальше он сообщил, что приобрел дом в Рапперсвилле, так как теперь в Граубюндене, как и во всей стране, впрочем, не совсем благополучно. Он намеревался поселиться там с Лукрецией. Выслушав рассказ Землера о том, как Лукреция попала в Цюрих, он громко расхохотался, но смех его не звучал искренне и непринужденно.

Когда после обеда мужчины сидели за бутылкой вина, а жена магистра занялась Лукрецией, Планта, уклонившись вдруг от темы разговора, спросил о молодом Еначе. Землер похвалил его способности и трудолюбие, и Вазера послали за ним к соседу-сапожнику, где он жил и столовался. Через несколько минут в комнату вошел Георг Енач.

– Как поживаешь, Георг? – милостиво встретил его Планта.

Мальчик скромно, но с достоинством и сдержанно ответил, что учится, работает по мере сил и умения.

Планта обещал похвалить его перед отцом и, кивнув головой, дал ему понять, что он может уйти. Но мальчик не трогался с места.

– Разрешите мне... только два слова, господин Помпеус! – сказал он и покраснел при этом. – Маленькая Лукреция, как паломница, ради меня плелась сегодня по пыльной дороге. Она не забыла меня и принесла мне подарок, который, правда, лучше бы было не передавать мне при товарищах. Но я очень благодарен ей и хочу тоже отплатить ей подарком. – С этими словами он развернул платок и показал небольшой, изящной формы, серебряный кубок, вызолоченный внутри.

– Да он с ума сошел! – вспыхнул Планта, но тотчас овладел собой. – Это еще что, Георг? – продолжал он. – Это кубок твоего отца? Я не знал, что он так богат. Или ты заработал его в поте лица какой-нибудь письменной работой? Так или иначе, дарить его ты не имеешь права... Тебе и без того туго приходится, а кубок этот стоит денег.

– Я имею право располагать им, как хочу, – уверенно ответил мальчик. – Я заслужил его, рискуя жизнью...

– Да-да, это верно, господин Помпеус! – с увлечением подхватил Вазер. – Я подарил ему этот кубок. Это знак моей благодарности за то, что он вытащил меня, рискуя своей жизнью, из пучины Силя, куда меня унесло течением, когда мы с ним купались вместе. И Енач, и я, и Лукреция, все мы выпьем из этого кубка за ваше здоровье.

И, не обращая внимания на негодующие взгляды своего дяди, оторопевшего от его смелости, налил в кубок душистого вина из расписного кувшина с крышкой.

Георг Енач схватил кубок и стал искать глазами Лукрецию. Она со страстным волнением наблюдала из угла эту сцену. При последних словах Вазера она с серьезным личиком подошла к столу. Георг отпил глоток и передал ей кубок со словами:

– За твое здоровье, Лукреция, и за здоровье твоего отца!

Девочка медленно, будто совершая священный обряд, поднесла кубок к губам. Потом передала его отцу, который осушил его с досады одним залпом.

– Пускай так, глупый мальчишка! – сказал Планта. – Ну а теперь ступай... И мы тоже скоро двинемся в путь.

Енач ушел. Жена Землера повела Лукрецию в прилегавший к дому небольшой сад, к кустам крыжовника и ласково предложила ей полакомиться вкусными ягодами. Планта и Землер придвинули к себе стаканы и вновь повели беседу, на этот раз по-итальянски. Вазер примостился у окна с учебником и, сосредоточенно глядя в книжку, старался не упустить ни одного слова из разговора взрослых. Итальянский язык он понимал: он шутя выучился ему у Енача...

– Я отплачу ему за этот кубок сторицей, – сказал Планта. – Хороший мальчуган, если бы только не был так заносчив и замкнут... Высокомерие не к лицу людям, у которых дома хлеба в обрез. Отец его – пастор в Шарансе, честнейший человек, бывает у меня. Прежде чаще, правда, бывал, чем теперь... Вы не поверите, если рассказать вам, какой беспокойный злой дух вселился вдруг в наших пасторов. Они клеймят с амвонов военную службу в Испании как позор и проповедуют уравнивание в правах последних с первыми, в правах на все государственные должности, даже на самые значительные... И само собой разумеется, что при тех сложных условиях, которые создаются управлением нашего государственного корабля, это неминуемо должно привести страну к гибели... Об этой безрассудной протестантской пропаганде, которую они ведут среди наших католических подданных в Вальтеллине, я и говорить не хочу... Я опять перешел в католичество, хотя родители мои и были реформаторами. Отчего? Потому что в протестантстве кроется принцип бунта и против политической власти...

– Поставьте наших пасторов в лучшие материальные условия, – вставил Землер, добродушно улыбаясь, – и, как обеспеченные, спокойные люди, они сумеют уже внушать подданным верные представления о неизбежном неравенстве в человеческих отношениях...

Планта насмешливо улыбнулся суждению Землера о гражданском мужестве граубюнденских пасторов.

– Возвращаюсь опять к этому мальчику, – продолжал он. – Ему скорее место в кавалерийском отряде, чем на амвоне... Там, во всяком случае, он был бы безопаснее... Я не раз говорил его отцу: поручите мне мальчика, жаль мне его... Но он, как от сатаны, открещивается от военной службы в Испании, куда я хотел определить этого красивого юношу...

Землер задумчиво прихлебывал вино. Он как будто сочувствовал отвращению шаранского пастора к карьере, предлагавшейся его сыну.

– Мы накануне мировой войны, – горячо говорил Планта, – и кто знает, куда обстоятельства заведут такую отчаянную голову. Смелость его границ не знает. Я вам кое-что расскажу о нем. Одним летом, несколько лет тому назад, когда он жил у отца, он целые дни проводил в Ридберге в играх с Лукрецией и моим племянником Рудольфом... Однажды утром я прогуливался в саду, когда Лукреция налетела на меня, как вихрь, с сияющими глазами. «Гляди, гляди, отец!» – говорит она и задыхается от волнения. Я поднимаю голову – и что же вижу? Угадайте, магистр Землер! Вижу Георга верхом на выдвинутой из слухового окна доске. И этот озорник еще машет нам шляпой и весело приветствует нас... На другом, более надежном, конце доски импровизированных качелей сидел – неприятно мне это вспоминать! – мой племянник Рудольф, хитрый мальчишка. У меня кровь застыла от ужаса. Я с угрозой поднял руку и бросился наверх. Но когда прибежал, все уже было в порядке... Я схватил Георга за шиворот и стал его пробирать, но он спокойно ответил, что Рудольф усомнился в том, хватит ли у него отваги на такую штуку, а этого он стерпеть не мог...

Землер, слушавший эту историю, напряженно сжимая поручни своего кресла, отважился высказать Планта опасение, не может ли дружба с таким необузданным мальчиком, принимая к тому же во внимание непроходимую пропасть, отделяющую ее от Енача, оказать нежелательное влияние на женственно-кроткий нрав и благородный характер девочки.

– Вздор! – ответил Планта. – Вы в самом деле думаете, что она ради него прибежала в Цюрих? Во всей этой истории виноват только Рудольф. Он всегда называет ее своей маленькой невестой и выводит ее этим из себя. Он, вероятно, слышал это от своего отца, которому такая перспектива улыбается. Но я богаче его, и все это еще далекое будущее... Словом, так как Георг сильнее и Рудольф его побаивается, то она, понятно, избрала его своим защитником. Детская наивность! Я отдам ее теперь на воспитание в монастырь, и она скоро оступится там: она очень толковая, рассудительная девочка... А что касается непроходимой пропасти, о которой вы говорите, то у нас в Граубюндене... Когда мы и не говорим, что это предрассудок, все равно это подразумевается само собой... Понятно, человек, добивающийся руки Планта, должен обладать властью, богатством и быть в почете... Но века ли за этими благами или они приобретены вчера – это для нас неважно...

Свистящий ветер внезапно развеял воскресшие перед Вазером воспоминания детства. Он опять стал старше на пять лет и широкими шагами шел вниз одинокой горной тропинкой. Действительность бесцеремонно вернула его в свои пределы. Порывом ветра из Энгадинского ущелья сорвало шляпу с его головы, и он едва успел подхватить ее отчаянным прыжком, прежде чем другой порыв ветра снес ее в бездну пенившейся пучины...

III

Вазер глубоко нахлобучил шляпу на голову, стянул свой ранец плотней и, сокращая далекие извивы горной тропы, стал спускаться прыжками по крутым уступам. Он перебрался через обожженные молниями, черные причудливые сплетения корней кедров, через каменистые русла высохших ручьев, вышел на мягкий луг и вдруг увидел у своих ног бар-

хатно-зеленый Энгадин со сверкающим Инном в драгоценной оправе горных озер. Последний луч, пробившийся сквозь тучи, радугой заиграл на озерах и лугах Сен-Моритца...

Прямо перед собою увидел он темную голую пирамиду скал и подле нее, немного выше, горную цепь, усеянную ледниками, отливавшими зеленым светом. За высоким хребтом, который она замыкала, клубились грозовые тучи, гулко катились громы и темнели просветы между выступами гор, в которые время от времени еще виднелась далекая снежная вершина.

По правую от дороги сторону горы, поднимавшиеся вдоль другой долины, закрывали крутой спуск, почти внезапно переносивший из вольного горного воздуха в итальянский зной. Там, за Малойей, испарения, гонимые южным ветром, клубились туманом над влажными лугами Базельджия Мария, с белыми башнями, смутно просвечивавшими сквозь дождливую мглу...

Тропинка привела Вазера к первой энгадинской деревне, состоявшей из одной улицы внушительных домов со своими контрфорсами и золочеными слуховыми окошками, напоминавших небольшие крепости. Но молодой человек ни в одну из тяжелых дверей не постучал, а бодрыми шагами продолжил свой путь к югу вдоль озер. Он решил переночевать в странноприимном доме в Малойе и оттуда на следующий день рано утром отправиться через ущелье Муретто в Вальтеллину, потому что – Помпеус Планта не ошибся! – жаждал, и теперь сильнее, чем когда бы то ни было, повидать своего школьного товарища Енач...

Рано наступила ночь, и посвежело среди высоких гор. Дорога бесконечно тянулась берегом вдоль плескавшихся волн. Холодная, прозрачная дождливая мгла окутала даль и просачивалась в одежду одинокого пешехода. Сонливость, которой он ни разу не ощущал за весь этот знойный день, сковывала его мысли и движения. В одном месте, где Инн пронесся перед ним быстрыми волнами по узкому руслу, а на другом берегу всплыла плоская башня неуклюжей церковки, ему послышался конский топот. По каменному мостику промчался всадник и вскоре исчез в темноте по направлению к Малойе. Неужели этот закутанный в плащ всадник – Помпеус Планта? Наверное, это был не Планта, а какой-нибудь скромный запоздалый путешественник. Планта вез свою дочь и, вероятно, остановился на ночлег у кого-нибудь из своих знатных родственников в одной из лучших усадеб Энгадина.

Наконец и последнее озеро, и последняя скала остались позади. Огонь, светивший во мгле, и собачий лай говорили о близости человеческого жилья, которое могло быть только заезжим домом. Подходя к неясной каменной массе, Вазер с удовольствием заметил, что ворота еще раскрыты, и увидел хозяина, худощавого костистого итальянца, надевавшего цепи на яростно метавшихся псов. Молодой работник светил ему смоляным факелом.

Картина эта сулила радушный прием. Хозяин схватился за факел и поднес его к самому лицу прибывшего.

– Что угодно, господин? Чем могу вам служить? – спросил он и, как будто неприятно чем-то удивленный, подавил едва не вырвавшееся у него ругательное слово...

– Что за вопрос! – весело ответил Вазер. – Местечко у огня, обсушиться, ужин и ночлег!...

– К сожалению, господин, это никак невозможно, – подкрепляя свое сожаление и свою непоколебимость чрезвычайно выразительными жестами, заявил тот. – Все занято...

– Как занято? Вы, значит, ждете еще гостей? Не откажете же вы в приюте путешественнику в этой пустыне и в такую холодную, дождливую ночь?

Итальянец вытянул руку и указал ею по направлению к югу, где туман уже редел, а на той части неба, за Малойей, над неровными выступами зубчатых гор пробивалась уже луна...

– Там погода разгуливается, – сказал он и, войдя в дом, вынес кубок с вином. – Подкрепитесь и лучше всего вернитесь в Базельджия... Желаю вам покойной ночи...

Вино горело в стакане при свете факела, как огненный рубин. Вазер жадно схватил кубок с игравшей влагой и без церемоний осушил его до дна. Хозяин, отказавшись от платы, вежливо подталкивал его к воротам и, выпроводив, задвинул за ним засов.

Молодой человек не хотел, однако, считать дело свое проигранным. Вместо того чтобы проделать вновь пройденный длинный путь, он взошел на недалекий от дома холм, стоявший, будто страж, над начинавшейся в этом месте долиной Брегалья, представлявшей собою теперь котловину, полную хаотических клубов тумана. Из белой мглы выступали освещенные месяцем верхушки елей. Вазер растянул на земле свой плащ, присел и стал прислушиваться.

Стояла глубокая тишина; лишь из конюшни при гостинице время от времени доносилось ржание лошади. Едва слышен был приглушенный туманом шум ручья на дне глубокой долины. Издали приплыл вдруг тихий, четкий звук, легкий звон, тотчас погас и, спустя несколько мгновений, отчетливее пронесся в воздухе. Затем опять растаял и тотчас всплыл опять и стал приближаться громче, громче, словно поднимался в гору крутыми извивами тропинки. Вазер долго, как во сне, вслушивался в эти непривычные его уху горные звуки. И наконец он услышал человеческие голоса. Очевидно, это были всадники или погонщики, и Вазер решил, что они-то и были гостями, которых поджидал хозяин.

Он растянулся на своем плаще, чтобы проезжие не заметили его. Ему хотелось знать, ради кого ему отказали в ночлеге.

Прошло несколько долгих минут. Из долины выехали два всадника, очевидно, господин и его слуга, соскочили с коней и громко ударили в ворота, которые тотчас распахнулись перед ними. Хозяин из гостиницы услужливо выбежал им навстречу и ввел их во все еще освещенный дом...

Вазера одолевали досада и любопытство. Он вскочил на ноги и подкрался к таинственной крепости. Он вспомнил об огне, который заметил, когда подходил к дому: огонь светил не со стороны двора. И действительно, обойдя дом кругом, он увидел в задней стене единственное окно с тяжелой железной решеткой, за которым ярко пылал огонь. Он взобрался на полуобвалившийся козий хлев, пристроенный к стене дома, и ему удалось заглянуть в глубь дымной комнаты.

У печи стояла старая женщина с благообразным, честным лицом и держала ручку железной сковороды, в которой жарились горные форели. На каменной скамье спал закутанный в овечью шкуру юноша с болезненным, бледным лицом, обрамленным копной вьющихся темных волос.

Надо было держать ухо востро. Вазер решил первым делом уяснить себе то, что видел перед собой, а затем уже так или иначе использовать обстоятельства. Случай помог ему. Бледный спящий юноша заметался вдруг в тревожном сне, заворочался, застонал, вскочил на ноги с закрытыми глазами, с выражением немого страдания на лице, стиснул кулак, словно сжимая оружие, и глухим, сонным голосом крикнул:

– Ты этого хотела, Пречистая!..

Старуха быстро отодвинула сковороду, грубо схватила спящего за плечи, встряхнула его и крикнула:

– Проснись, Августин! Не хочу, чтобы ты у меня торчал тут на глазах... Это не сны праотца Якова... Тебя дьявол мучает... Ступай на сеновал.

Длиннокудрый тонкий парень встал и покорно, с опущенной головой, пошел к двери.

– То, что я хотела послать моему сыну, пастору Александру в Арденн, я уже принесу тебе завтра утром! – крикнула ему вдогонку старуха и, качая головой, добавила тихо: – Доверять ли еще этому олуху такую дорогую вещь?

– Я охотно исполню ваше поручение, – располагающим, внушающим доверие голосом сказал тогда Вазер, наклонившись к железной решетке. – Я завтра утром отправлюсь через

Муретто в Вальтеллину к пастору Еначу, другу и соседу вашего почтенного сына Блазиуса Александра, столь уважаемого и любимого среди протестантов. Но, разумеется, если вы укажете мне сухой угол для ночлега, потому что хозяин ваш выставил меня ради других гостей...

Старуха изумленно, но ничуть не испуганно схватилась за масляную лампочку. Закрывая рукою огонек от сквозняка, она подошла к окну и осветила голову говорившего с нею Вазера.

Когда она увидела умное, молодое, открытое лицо и аккуратные брыжи, ее острые, серые глаза затеплились улыбкой.

– Вы тоже, вероятно, пастор? – спросила она.

– Вроде того... – ответил Вазер.

У себя на родине он нелегко решился бы прилгнуть, но здесь, в этом негостеприимном крае, он счел нужным так или иначе применяться к обстоятельствам.

– Впустите меня, хозяйюшка, а там уж я все вам объясню.

Старуха прижала палец ко рту, кивнула ему и исчезла. Тотчас же заскрипела низенькая дверь рядом с козым стойлом. Вазер соскочил на землю. Старуха взяла его за руку и провела по нескольким темным ступенькам в кухню.

– Теплый угол, конечно, найдется... Я вам свой уступлю, – сказала она, указывая ему на лесенку рядом с дымовой трубой. Лестница упиралась в дверцу в каменном потолке. – Мне здесь работы до утра, господа только еще за стол сели... Лежите только тихонько. Там вас никто не тронет. И голодным тоже человека хорошего не оставляю...

Она дала ему лампу, и он тотчас пошел вверх по лесенке, поднял свободной рукой дверцу и вошел в крохотную комнатку с голыми стенами, похожую на тюремную камеру. Старуха несла за ним хлеб и вино, затем вошла через маленькую боковую дверь в смежную комнату, должно быть кладовую, и вынесла оттуда большой кусок копченой ветчины. На стене над жестким, малособлазнительным ложем висела окованная серебром большая пороховница.

– Вот это я хочу послать моему сыну, – сказала старуха, указывая на пороховницу. – Это наследство от его дяди и крестного, добыча с войны. Сто лет уже она у нас в семье.

Вазер скоро расположился на ночлег, но тщетно пытался уснуть. Он задремал было на несколько мгновений, и тотчас образы Енача, Лукреции, магистра Землера, старухи у печи, хозяина гостиницы и угрюмого Луки замелькали перед ним в нелепых взаимоотношениях. И вдруг все очутились рядышком на школьной скамье, а Землер трубил в греческую военную трубу, изображавшую собою не что иное, как висевшую на стене пороховницу, из которой вырывались дикие звуки, покрывавшиеся адским хохотом всех слушателей.

Вазер очнулся, с трудом сообразил, где он находится, и хотел было опять уснуть, когда услышал оживленные мужские голоса. Ему казалось, что они звучат из соседней комнаты. На этот раз он слышал их уже наяву.

Подняло его с ложа отчасти возбуждение, вызванное путешествием, отчасти потребность рассеять смутный страх, овладевавший им, а отчасти и любопытство. Как бы там ни было, он бесшумно подошел к двери смежной комнаты, прислушиваясь, потом, тихо приоткрыв ее, убедился, что она пуста.

Тогда он двинулся на цыпочках к другой стене на свет, пробивавшийся через узкую щель. Бледно-красный луч шел, как он сейчас же убедился, из щели старой окованной железом дубовой двери. Он осторожно приник к ней лицом и увидел перед собою картину, которая заставила его забыть обо всем на свете и приковала к месту...

Он видел перед собою комнату, освещенную висячей лампой, завешанной абажуром. За небольшим столом, заваленным бумагами и заставленным беспорядочно сдвинутыми в сторону бутылками и тарелками, сидели два человека. Один сидел спиной к дверям, и его

широкие плечи, воловий затылок, взъерошенные курчавые волосы порой совершенно заполняли всю плоскость зрения в узкой щели. Он возбужденно говорил, потом внезапным резким движением подался вперед, и в это мгновение яркий свет лампы осветил лицо другого собеседника. Вазер застыл от испуга: это был Помпеус Планта! Но какое у него было тоскливое, мрачное лицо! Глаза ушли глубоко в орбиты и горели жутким блеском. Резкие складки легли над сдвинутыми густыми бровями. На лице этом и следа не осталось горячей гордой жизнерадостности. Оно выражало только страстную озлобленность и глубокую скорбь. Он казался постаревшим с утра на целых десять лет!

– Я неохотно даю свое согласие на пролитие крови людей, которые когда-то близко стояли ко мне, и еще неохотнее прибегаю к неизбежной в таких случаях помощи Испании, – медленно и глухо заговорил Планта, когда другой окончил свою бурную, не расслышанную Вазером, речь. – Но... – Тут глаза его вспыхнули ненавистью. – Но если уже надо пролить кровь, Робустелли, то его, по крайней мере, не забудьте...

– Джиорджио Енача! – со смехом ответил итальянец и, воткнув свой нож в лежавший подле него небольшой хлеб, поднес его Помпеусу Планта, как подносят голову на копье.

При этом выразительном символическом ответе итальянец повернул голову, и Вазер увидел совсем близко от себя его красное лицо. Он отпрянул от щели и осторожно, бесшумно пробрался опять к своему ложу. Сцена эта навела его на многие размышления и укрепила его в решении на следующее же утро поспешить в Вальтеллину и предупредить друга о грозившей ему опасности.

В маленькое окошко, напоминавшее скорее бойницу в стене крепости, еще только брезжил рассвет, когда Вазер проснулся от стука в дверь. Он быстро оделся и собрался в дорогу. Старуха поручила ему передать привет ее сыну, тщательно привязала к его ремням пороховницу, которую, видимо, чтила, как драгоценную семейную реликвию, с опасливой осторожностью проводила его через кухонную дверь за пределы усадьбы и указала ему на змеившуюся между скал дорогу, по которой ему надо было идти узким ущельем в котловине Кавелош...

– Как войдете в ущелье, – сказала она, – взгляните на голые утесы по левую сторону от озера, и вы увидите далеко выходящую тропинку. На этой тропинке вы тотчас же заметите Августина: он с четверть часа тому назад ушел отсюда со своей корзиной и тоже в Сондрио идет, как и вы... Разговоритесь с ним и не отставайте от него. У него здесь, правда, не все на своем месте, – добавила она, указывая на свой лоб, – но дорогу он знает как свои десять пальцев...

Вазер сердечно поблагодарил ее и быстро удалился от спавшего еще дома. Скоро он вступил узенькой тропинкой между диких скал в овальной формы долину, окруженную каменными стенами, сплошь покрытыми ледниками, увидел узкую дорожку, Августина, шагавшего вдоль пропасти, и поспешил за ним.

Он был еще во власти впечатлений этой ночи, как ни старался овладеть ими и претворить их в ясные мысли. Он чувствовал, что то, чему он был свидетелем, означало собою большое несчастье и что судьба открыла ему лишь одну непонятную и бессвязную для него страничку подготовлявшихся жутких событий. При всей своей юной жизнерадостности он был глубоко потрясен, потому что любил и уважал, хотя и по-разному, этих двух людей, столкнувшихся в непримиримой, очевидно, вражде.

Как своеобразна, подавляюще прекрасна была эта местность в первых красноватых лучах солнца! Внизу – зеленая бездна озера среди покрытых густой растительностью уступов и островков, тонувших в чаще темно-красных альпийских роз, как в алой ткани. Кругом стояли отвесные блестящие стены, изрезанные серебряными змейками струившихся из глетчеров ручьев. На юге, где вела из долины шедшая вверх зигзагом дорожка, ослепительно

сверкало снежное пространство, над которым высоко поднимались красноватые утесы и пирамидальные горы...

Вазер догнал наконец шедшего впереди него человека и, поздоровавшись, попытался было завязать с ним разговор. Но тот шел молча, погруженный в свои думы, едва взглянул на Вазера и не проявил ни малейшего любопытства, ни удивления. Он с явной неохотой, скупыми словами отвечал на его вопросы, и так как тропинка вилась все круче и круче и становилось скользко идти по мерзлому снегу, то он и совсем замолк. Они взошли на вершину раньше, чем Вазер ожидал. Перед ним выросла вдруг мрачная с острыми зубцами башня-гора. Вазер спросил, как называется этот грозный исполин.

– Разно, – ответил Августин. – В Граубюндене ее называют иначе, чем у нас в Сондрио... Здесь она называется Горой несчастья, а у нас – Горой скорби.

Вазер, неприятно пораженный этими печальными словами, пропустил вперед своего необщительного спутника, остановился на несколько мгновений и, не выпуская его из виду, пошел сзади, желая без всякой помехи упиться одиночеством среди этого чудесного горного простора.

Долго, долго тянулась дорога вниз, вдоль буйного Малеро, пенившегося над огромными камнями, устилавшими его русло. Солнце грело все жарче и сильнее. На дорогу падала уже тень от каштановых деревьев, уже приветливо махали ветками виноградные лозы. На холмах сверкали нарядные церковки, и дорога часто переходила в мощеную деревенскую улицу. Наконец они вышли из последнего ущелья, и перед ними раскинулась позолоченная предзакатным солнцем роскошная Вальтеллина со своими знойными виноградниками и болотистыми рисовыми полями.

– Вон там Сондрио, – сказал Августин снова уже шедшему рядом с ним Вазеру и указал на итальянский город с сверкавшими дворцами и башнями, всплывший вдруг волшебной картиной после долгой ходьбы среди пустынных темных гор.

– Чудесный край твоя Вальтеллина, Августин! – воскликнул Вазер. – А там на холмах, если не ошибаюсь, растет знаменитое сассельское, жемчужина всех вин...

– Он вымерз в апреле, – печально ответил Августин, – в наказание за наши грехи...

– Жаль... А чем же это вы согрешили? – спросил Вазер.

– Да тем, что терпим у себя всякую ересь и колдовство! Но мы скоро очистимся и избавимся от заразы: мертвые и святые наши держали совет восьмого мая в полночь вон там, в Сен-Жервазио и Протазиио. – И он указал на возвышавшуюся перед ними церковь. – Они жарко спорили! Сторож все слышал и занемог от страха...

И, не замечая насмешливых улыбок своего спутника, опять повторил то, что делал на всем протяжении пути перед каждым крестом или иконой.

Они шли мимо пестро раскрашенного образа Богоматери. Августин опустил свою корзину на землю, бросился на колени и уставился глазами на образ.

– Вы видели, как она кивнула мне головой? – спросил он с восторженным, безумным лицом, когда они пошли дальше.

– Да, конечно, – весело ответил молодой человек. – Вы, очевидно, у нее на хорошем счету. А что она хотела этим сказать?

– Что я должен убить мою сестру! – ответил он с тяжелым вздохом.

Вазер нашел, что с него довольно на этот раз приключений и неожиданностей.

– Прощайте, Августин! – сказал он. – На моей карте указана боковая дорога в Бербенн. Это она и есть? Ну вот я так и пойду, сокращу путь... – Он сунул монету в руку своему жалкому спутнику и пошел меж стен виноградников.

Вскоре он увидел почти скрытую в тени зеленых каштанов деревню Бербенн, цель своего путешествия. Полуобнаженный мальчуган указал ему пасторский дом. Невзрачный

дом, но яркое обилие листьев и виноградных гроздей, роскошные гирлянды буйных ветвей искупали убожество здания.

Широкий навес на старых деревянных колонках служил слабой опорой этому яркому обилию, а также и сенями к домику. Последние лучи заходящего солнца играли на теплых золотисто-зеленых листьях. Внизу уже стлались глубокие тени. Вазер любовался этим, никогда еще им не виданным богатством природы, когда в дверях показалась стройная женская фигура, вышедшая из зеленой тени. Это была совсем юная, прелестная женщина. Она шла за водой с кувшином на голове, поддерживая обнаженной рукой недвижимо стоявший на темных толстых косах сосуд, шла легко и плавно, с опущенными глазами. Когда Вазер, почти кланяясь, остановился перед нею и она подняла влажно сияющие глаза, он оторопел от изумления – никогда еще в своей жизни не видел он такой ликующей гордой красоты.

На вопрос его о пасторе она спокойно указала свободной рукой на освещенную закатом дверь за виноградной беседкой и полутемными сенями. Оттуда, к удивлению Вазера, неслась воинственная песнь:

Нет в мире краше смерти
Перед лицом врага...

Эта песнь германского ландскнехта, звучавшая таким презрением к смерти, такой радостной отвагой, могла идти только из могучей груди его друга. Это и был он. И как заканчивал пастор в Бербенне свой трудовой день? Он стоял на коленях в тени огромного вяза и точил о точильный камень огромный меч.

Вазер остановился как вкопанный. Стоявший на коленях человек увидел его, воткнул меч в землю, вскочил на ноги, широко раскинул руки и с криком:

– Вазер, дорогой мой! – крепко прижал друга к груди.

IV

Вазер высвободился наконец из объятий пастора. Приятели с радостным любопытством разглядывали друг друга. Вазер был несколько смущен, но не показывал вида. Могучая фигура Енача подавляла его. Смуглое, обросшее бородою лицо озарял отблеск внутренней мощи. И Вазер угадывал, что неукротимую волю, таившуюся в угрюмом и замкнутом когда-то мальчике, расковали теперь опасности бурной политической жизни.

На Енача изящная внешность Вазера, скромного и уверенного в себе, произвела приятное впечатление, и он не скрывал своей радости, что может в своей глуши отвести душу с представителем городской культуры.

Он пригласил его сесть на скамью, окружавшую кольцом старый вяз, и громко крикнул:
– Люция, вина!

Красивая тихая женщина, которая встретила Вазера, когда он входил во двор, тотчас вынесла из дому два глиняных кувшина и, поставив их с милым, робким поклоном на скамью между приятелями, скромно удалилась.

– Кто это прелестное создание? – спросил Вазер, с удовольствием глядя ей вслед.

– Моя жена... Здесь, среди этих идолопоклонников, – Енач улыбнулся, – не место холостому протестантскому пастору. Он должен быть женатым человеком. Кому-то нужно было отделаться от меня, и меня послали в эту глушь, с тем чтобы я спасал моих прихожан из тьмы неверия и суеверия. На меня возложили достойную задачу. Но до сих пор мне никого еще, кроме прекрасной Люции, обратить не удалось. И какой ценой? Собственной своей персоны...

– Она изумительно хороша, – задумчиво заметил Вазер.

– Ничего... Мне лучше не надо, – сказал Енач, протягивая гостю один кувшин и поднося другой к губам. – И сама кротость. Она из-за меня немало огорчений и обид переносит. Ее родственники-католики ей простить не могут этого брака... Но какая у тебя великолепная, друг мой, пороховница. Да ведь эта фамильная реликвия Александра!.. Как же, как же, ведь старик в Понтрезине умер, и теперь она перейдет к милому Блазиусу, моему товарищу в Арденне. Но, черт побери, каким путем она попала к тебе?..

– Это одно из моих дорожных приключений, о которых я расскажу тебе потом подробно... – ответил Вазер, не выяснивший еще себе, надо ли говорить о том, что он видел и слышал в Малойе. Он боялся, что горячий, пылкий Енач заставит его рассказать и такие подробности, которые благоразумнее было бы, пожалуй, скрыть от него. – Прежде всего, милый мой Георг, посвяти меня в эти замечательные события, которые в последние годы привлекали к твоей стране внимание всех политических деятелей. Ты ведь играл в них главную роль...

– Это тебе должно бы быть яснее, во всяком случае, чем даже общая связь событий, – ответил Енач и положил одну ногу на другую. – Ты ведь служишь в государственной канцелярии, и, конечно, у вас там зорко следят за всем, что у нас происходит... Впрочем, все события развивались здесь вполне естественно. Ты знаешь – у вас, вероятно, об этом не раз говорилось, – что Испания и Австрия несколько лет уже домогаются от наших католиков путем подкупов разрешения на пропуск для своих войск. Но, ничего не добившись от нас через своих наемников, они теперь, вопреки всем договорам, воздвигли крепость Фуэнте на самом пороге нашей Вальтеллины, и вот крепость эта стоит перед нами постоянной угрозой... – Он указал рукой на юг. – Мы можем завтра побывать там, Генрих, и ты поднимешься в глазах своего цюрихского начальства, если опишешь ему предмет наших споров, который видел собственными глазами. Это было очень досадно, но все-таки это еще не затрагивало самых жизненных наших интересов. Когда же всем стало ясно, что католические державы замышляют поход на немецкий протестантизм...

– Несомненно, – вставил Вазер.

– Тогда, конечно, перед Испанией встала необходимость той или иной ценой проложить себе путь из Милана через Вальтеллину, через наши горы, а наша главнейшая задача теперь в том, чтобы так или иначе этому воспрепятствовать. И надо было разделаться с нашей испанской партией так, чтобы она не отважилась больше поднять голову...

– Конечно, – заметил Вазер. – Если бы вы только не прибегали к таким жестоким мерам и если бы народный суд в Тузисе не был так кроваваден и руководился хотя бы какими-нибудь законами и правилами...

– Что же поделать? У нас каждый человек, бросающийся в политическую деятельность, рискует своей головой. Народ здесь испокон веку отчаянный, во всех своих поступках безудержный и страстный... Впрочем, все эти ужасы, которые о нас рассказывают, значительно преувеличены. Оба Планта объезжали правительства всех стран и не жалели сил, чтобы очернить нас и представить в самом невыгодном свете...

– А почтенный Фортунат Ювалт? Он ни к какой партии не принадлежал. А он тоже писал в Цюрих, что вы обошлись с ним бесчеловечно...

– И поделом этому педанту... В такое критическое время, какое мы переживаем, надо иметь отвагу стать на сторону той или другой партии. Нам люди равнодушные не нужны...

– Он жаловался, что на суде давали показания против него лжесвидетели...

– Возможно! В конце концов он дешево отделался – денежным штрафом, четырьмястами крон, за свою трусость.

– Я еще допускаю, – продолжал Вазер, помолчав немного, – что вам надо было удалить отсюда Помпеуса Планта и его брата Рудольфа. Но неужели нужно было клеймить их как

гнусных преступников и грозить им смертной казнью, не считаясь вовсе ни с блестящими заслугами их предков, ни с их положением в стране?

– Презренные изменники! – гневно воскликнул Енач. – Они одни виноваты во всех наших несчастьях и должны искупить вину за все бедствия, в которые втянули нас... Они первые стали подлизываться к Испании... Прощу тебя, Генрих, ни слова в их защиту!

Но Вазер, задетый этой властной вспышкой, уступил недоброму желанию в свою очередь уязвить приятеля и напомнил ему:

– А викарий Николай Руска? Его все единодушно считали ни в чем не повинным...

– Да, и это правда, – прошептал Енач. Это было для него, очевидно, тягостное воспоминание. Глаза его потемнели и недвижно глядели в пространство.

Вазер молчал, озадаченный этой неожиданной откровенностью.

– Он умер, говорят, под пыткой с прокушенным языком, – добавил он с тихим укором.

– Я хотел его спасти, – прерывающимся голосом заговорил Енач. – Мог ли я думать, что он так малодушен: первых же минут пытки не перенес... У него было много личных врагов... Необходимо было унять всеобщее возбуждение против римских святошей какой-нибудь жертвой... И надо было припугнуть наших католиков здесь, в Вальтеллине. Свершилось по писаному: погиб один и смертью своей предотвратил гибель многих...

И, словно желая стряхнуть с себя тягостные воспоминания, Енач встал, выпрямился и увел друга из темневшего сада в дом. За каменной оградой видна была стройная церковная башенка, позолоченная последними закатными лучами.

– У этого несчастного и теперь еще много почитателей, – добавил он, указывая на церковь. – В этой церкви он тридцать лет тому назад служил первую обедню...

В первой большой комнате, выходившей в сад, горела лампа. Когда они входили в дом, молодая женщина стояла у противоположной двери с подругой, которая, очевидно, вызвала ее наружу и о чем-то рассказывала ей возбужденным шепотом. За ними на сумеречной улице бегали люди, и слышен был глухой гул голосов, среди которых отчетливо выделялся крик старой женщины:

– Люция! Люция! Какое страшное чудо Божие!

Для Енача такие сцены, очевидно, не были новостью. Когда он переступал порог вслед за своим гостем, молодая женщина подбежала к нему и испуганно схватила его за рукав. Вазер заметил, что она была смертельно бледна.

– Пойди на кухню, дитя, и приготовь нам ужин, – ласково сказал Енач. – Покажи нашему гостю, какая ты у меня искусница... – И с принужденной улыбкой обернулся к Вазеру: – Все это нелепые итальянские фантазии! Уверяют, что покойный викарий Руска служит сейчас вечерню в церкви... Надо пойти и доказать им, что это вздорная выдумка, а не чудо... Пойдем, Вазер!

У Вазера мурашки забегали по спине, но любопытство взяло верх над смутной тревогой.

– Пойдем! – бодро сказал он.

Но когда они пробирались сквозь густую толпу, стремившуюся к церкви, он спросил шепотом:

– Но ты уверен, что викария нет больше в живых?

– Черт возьми! – ответил молодой пастор. – Я был при том, как его потащили на виселицу...

Они вошли в церковь. Главная часть церкви была уже приспособлена для протестантской службы. Ряды скамей, каменная купель и простой, без всяких украшений амвон. Образа и статуи святых вынесены были отсюда в отгороженный дощатой перегородкой придел, предоставленный католикам.

В узкое полукруглое боковое окно струился сумеречный свет. Но густая толпа мешала Еначу и Вазеру разглядеть сразу алтарь с серебряным распятием. Перед ними темнело море голов – женщины, старики, калеки и убогие молились плечом к плечу, вздыхая и всхлипывая, мужчины напряженно вытягивали вперед длинные жилистые шеи и судорожно прижимали к груди войлочные шляпы.

На алтаре горели две свечи, и свет их боролся с последними отблесками вечерней зари. Оба огонька колыхались в сквозных струях воздуха, и над алтарем в странной пляске метались уродливые тени. Ветерок с легким шорохом бегал по тускло блестящим складкам покрывала на алтаре. В этом фантастическом освещении, под гулками, мрачными сводами, возбужденным, взвинченным людям легко могло примерещиться на ступенях алтаря белое одеяние коленопреклоненного человека.

Енач проталкивался со своим другом вперед, сквозь плотную толпу. Одни, погруженные в благоговейный экстаз, едва обратили на них внимание, другие провожали их злобыми, враждебными взглядами и шепотом проклятий, но никто дороги им не преграждал.

Наконец Енач встал во весь свой богатырский рост на виду у всех перед самым алтарем. И тотчас его окружила толпа со зверскими лицами, словно хотела защитить алтарь от святотатственного покушения. Вазер заметил и несколько сверкающих кинжалов.

– Это что еще за наваждение? – громовым голосом крикнул Енач. – Пустите, я должен рассеять его!

– Богохульство! – глухо прокатилось по тесным рядам.

Два человека схватили его за протянутую вперед правую руку, другие надвигались на него сзади. Но Енач мощным движением вырвал руку и бросил человека, ставшего перед ним вплотную, на ступени алтаря. Человек упал головой в складки покрывала, босые ноги его вскинулись над толпой.

Задрожали подсвечники и паникадила, поднялся оглушительный долгий вой и плач.

Эта минута всеобщего смятения и спасла пастора. Он мгновенно прорвался сквозь сбившуюся, растерянную толпу, увлекая за собою Вазера, проник в открытую ризницу, оттуда выбежал на улицу и быстрыми шагами направился к своему дому.

Заложив дверь на засов, он крикнул в кухню:

– Ну, Люция, подавай!..

Вазер стряхнул с себя пыль и оправил манжеты и съехавший в сторону воротник.

– Поповские плутни, – сказал он, заботливо приводя в порядок свой костюм.

– Возможно... Но возможно также, что попы здесь ни при чем. Быть может, им действительно привиделось что-то... какой-то призрак... Ты себе представить не можешь, в какой душной мгле суеверий и предрассудков коснеют здесь люди! А жаль их... народ здесь вовсе недурной... В верхней Вальтеллине и совсем толковый, здоровый духом народ, совсем не то, что эти желтые кретины...

– Не лучше ли было бы, если бы вы им предоставили кое-какую самостоятельность и свободу? – заметил Вазер.

– Да я рад был бы дать им полную свободу, Генрих! Я демократ, ты это знаешь... Но надо знать этот народ! Вальтеллинцы – ревностные католики. Дай им свободу, и они вмиг превратят Граубюнден в католическую страну...

Прелестная Люция, побледневшая и осунувшаяся за это короткое время, принесла традиционное в Вальтеллине блюдо ризотто, и молодой пастор налил вина в стаканы.

– За успехи протестантов в Богемии, – сказал он, чокаясь с Вазером. – Жаль, что ты отказался от своего намерения поехать в Прагу. Кто знает, что там делается теперь?..

– Быть может, лучше, что я сейчас здесь, подле тебя... Я не вполне верю последним известиям и сомневаюсь в том, что пфальцграф сумеет править конем, на которого ему удалось взобраться... Неужели ты придаешь такое большое значение вашему союзу с Богемией?

– К сожалению, нет... Туда, правда, отправились несколько человек, но вовсе не те, кто мог бы сослужить нам ценную службу...

– Для этого все-таки нужно было немало отваги...

– Нисколько... Кто не рискует, не выигрывает... Правительство наше жалкое, нерешительное, дальше полумер оно никогда не идет. И все же мы сожгли за собой корабли. С Испанией мы почти порвали и резко отклонили посредничество Франции... Мы рассчитываем теперь только на свои собственные силы... Через каких-нибудь две недели испанцы могут ворваться сюда из Фуэнте, но – ты не поверишь, Вазер! – до сих пор ничего не сделано для предотвращения возможного нападения. Вырыли кое-где жалкие окопы да призвали два отряда... Сегодня они в сборе, а завтра взбрело в голову – и разбежались во все стороны... Никакой военной дисциплины, ни денег, никакого плана действий... Меня позаботились устранить от всякого влияния на общественные дела. Я, мол, проявлял решимость и самовластие, неподобающие моей молодости и моему сану... И меня заперли в этой глуши... А почтеннейший синод советует мне призывать население к миру и порядку – это теперь-то, когда над моей родиной кружат испанские хищники! С ума можно от этого сойти!.. С каждым днем признаков того, что здесь, в Вальтеллине, готовится заговор, все больше и больше... Я не могу больше мириться с этим! Завтра же поеду на разведку в Фуэнте, и ты со мной поедешь. Вот и предлог у меня будет! А послезавтра отправимся к граубюнденскому наместнику в Сондрио. Он только и делает, что наживается за счет этой богатой страны, которая завтра может ускользнуть из наших рук. Пиявка жалкая!.. Но я теперь наяду на него и постараюсь уж расшевелить его... И ты мне поможешь, Вазер...

– Да, и я тоже по дороге почуял, что в Граубюндене что-то готовится, – таинственно и медленно заговорил Вазер.

– И только теперь ты мне сообщаем об этом? – резко и взволнованно бросил ему Енач. – Сейчас же расскажи мне все и по порядку... Ты что-то слышал? Где? От кого? Что именно?

Вазер быстро восстановил в памяти все свои дорожные впечатления, для того чтобы изложить их своему пылкому другу в стройной последовательности.

– В гостинице в Малойе... – осторожно начал он.

– Хозяин Скани, ломбардец, стало быть, заодно с испанцами... Дальше!

– Я слышал, правда в полудреме, разговор рядом с комнаткой, где я спал... Кажется, речь шла о тебе... Кто такой Робустелли?

– Яков Робустелли из Грозотто – отъявленный негодяй, мерзавец, разбогател на перекупке хлеба, а благодаря покровительству испанцев возведен в дворянское достоинство. Укрыватель и собутыльник всех шулеров и разбойников, человек, способный на какое угодно преступление и предательство.

– Этот Робустелли, – продолжал Вазер, подчеркивая каждое слово, – если я только не ослышался, замышляет убить тебя...

– Весьма возможно... но не это важно... А кто это был там с ним?

– Я не расслышал его имени, – ответил Вазер, считавший своим долгом хранить тайну Помпеуса Планта, но, встретив угрожающий взгляд Енача, чистосердечно добавил: – Да если бы и знал его имя, то не стал бы его называть...

– Ты его знаешь? Скажи!.. – страстно и настойчиво потребовал Енач.

– Георг, ты меня знаешь... Знаешь, что я никакого насилия над собою не признаю и не позволяю... – холодно возразил ему Вазер.

Тогда Енач ласково положил на его плечо свою могучую руку и заговорил нежно и тепло:

– Будь откровенен со мной, дорогой мой... Ты ко мне несправедлив. Я забочусь не о себе, а о бесценной для меня родине. Кто знает, быть может, от одного твоего слова зависит мое спасение и спасение тысяч людей...

– Но в данном случае молчание – вопрос чести!.. – ответил Вазер, стараясь высвободиться из крепких объятий.

Лицо Енача вспыхнуло мрачным огнем.

– Клянусь Богом, – воскликнул он, прижимая к себе друга, – если ты не скажешь мне все, что знаешь, я тебя задушу!..

Испуганный гость молчал. Енач схватил нож, которым нарезал хлеб, и приставил его к шее Вазера. Вазер и теперь, вероятно, молчал бы, потому что был глубоко возмущен, но, отстраняя руку Енача, он сделал неосторожное движение, и острие ножа скользнуло по его шее. Он почувствовал жуткую теплоту крови, несколько капелек окрасили его белый воротник.

– Оставь меня, Георг! – сказал он, слегка побледнев. – Пусти, я тебе что-то покажу...

Он вынул из кармана чистый платок, осторожно стер с шеи кровь, затем достал свою записную книжку, раскрыл ее на странице с зарисованными древними колоннами и положил ее на стол. Енач быстро схватил ее. Взгляд его тотчас остановился на вписанных Лукрецией словах. Он опустил голову и погрузился в тяжкое, мрачное раздумье...

Вазер молча наблюдал за ним. Он испугался в душе впечатления, произведенного на Енача вестью от Лукреции, невольным носителем которой он явился. Он и не подозревал, как быстро учел этот проникательный человек все, что узнал от него, и как горько и беспощадно связал все подробности в одно целое. Самые разнородные чувства отражались на его лице – скорбь и гнев, теплые воспоминания и твердая решимость быстро сменяли друг друга.

– Бедная Лукреция! – промолвил он с глубоким вздохом, и вслед за тем лицо его застыло, потемнело и стало непроницаемым. – Над Юльерским ущельем... Стало быть, отец ее теперь в Граубюндене... Гордый Помпеус Планта, низко же ты упал, с Робустелли связался... – почти спокойно проговорил он. И неожиданно сорвался с места. – Я – невозможный человек, не правда ли, Вазер?.. Ты и в школе немало натерпелся из-за моей горячности... Я и теперь еще не умею владеть собою... Ложись спать и забудь обо всем, что сейчас произошло! Завтра чуть свет мы двинемся на двух великолепных мулах в Фуэнте, и ты увидишь, что я все тот же хороший товарищ, каким был. А по дороге потолкуем по душам.

V

Вазер проснулся еще до восхода солнца. Когда он с усилием открывал окно, перед которым пышно и густо разрослось фиговое дерево, в нем боролись два желания. Накануне он решил, что немедленно, на следующее же утро, уйдет из дома своего друга детства и ближайшим путем через Киавенну выберется из этой слишком уже романтической Вальтеллины. Но крепкий живительный сон несколько смягчил тягостные вчерашние впечатления и ослабил его решимость. Взяла верх любовь к этому удивительному другу. Он говорил себе, что нельзя пенять на этого страстного человека, не получившего тщательного воспитания, не имевшего лоска городской культуры, за его несдержанность, когда его собственная жизнь и родина в опасности. Разве для него новость эта быстрая смена настроений и эти дикие, безумные вспышки? Одно было для него несомненно: внезапным отъездом он не предотвратит несчастья, и причиной этого несчастья, быть может, будут его полупризнания, вырванные у него Георгом. Если же он останется, то обо всем обстоятельно расскажет ему и узнает, отчего так обострились отношения между Еначем и отцом Лукреции. И тогда возможно будет предпринять что-нибудь, чтобы примирить их.

По дороге в Фуэнте у них завязался задушевный разговор. Енач ни словом не коснулся вчерашней вспышки и был ясен и весел, как это чудесное утро. Он совершенно спокойно – Вазеру показалось, даже с легкомысленной несерьезностью – выслушал подробный рассказ о его путешествии и охотно отвечал на все его вопросы. Но Вазер, вопреки своим ожиданиям, узнал от него немного.

Последний университетский год, рассказывал Енач, он провел в Базеле, а затем вернулся домой в Домшлег. Там он застал отца на смертном одре. После смерти старика жители Шаранса единодушно выбрали его в пасторы, хотя ему было тогда всего восемнадцать лет...

В Ридберге он был один только раз, причем, конечно, сцепился с Помпеусом по поводу политических вопросов, и они горячо поспорили. Ничего личного в споре этом не было, но оба почувствовали, что дальнейших встреч лучше избегать. Когда начались первые вспышки недовольства против Планта, он успокаивал народ с амвона. Он еще думал тогда, что лица духовного звания не должны вмешиваться в политику. Но смута усиливалась, опасность росла, а у государственного руля не было надежного лоцмана, и жалость к людям взяла в нем верх над всеми другими чувствами и соображениями. Пресловутый суд в Тузисе он считал кровавой необходимостью, содействовал образованию этого народного судилища и даже указывал ему на его очередные задачи. Осуждению же Планта он ни содействовал, ни препятствовал – то был единодушный вопль возмущения всего населения.

Разговор перешел на политические вопросы, хотя Вазер и пытался было перевести его на личную жизнь Енача. Его ошеломлял и возмущал подход Енача к задачам европейской государственной науки, которую он сам долго и ревностно изучал. Его пугала дерзость и легкость, с которой Георг решал самые сложные вопросы. Решение этих вопросов он считал очень трудной, сложной задачей, торжеством дипломатии, предполагающих много усилий. За все время этого оживленного спора ему один только раз удалось вставить робкий вопрос: жила ли в Ридберге Лукреция, когда в Домшлеге начались смуты? Лицо Георга мгновенно потемнело, как накануне ночью, и он коротко ответил:

– Да... только в самом начале... Ей было, бедной, очень тяжело... Это преданное, верное сердце... Но не мог же я связать себя с ребенком... да еще с дочерью Планта! Все это вздор, пустые бредни... Ты видишь, я сумел положить этому конец...

Он яростно прищипорил своего мула, и испуганное животное унесло его вперед. Вазер с трудом сдержал своего мула.

В Арденнеони остановились у домика пастора, но двери оказались запертыми на ключ. Блазиуса Александра не было дома. Енач, бывший здесь, по-видимому, своим человеком, обошел дряхлый домик, нашел ключ в дупле старого грушевого дерева и вошел вместе с Вазером в комнату Александра. Окна выходили в густой, запущенный сад, и в комнате стоял зеленовато-сумрачный свет. Кроме длинной скамьи вдоль стены и источенного червями стола, на котором лежала большая Библия, в комнате другой мебели не было.

Недалеко от этого духовного оружия выглядывало из угла и мирское – старинный мушкет, над которым Енач повесил привезенную Вазером пороховницу. Затем, вырвав листок бумаги из записной книжки Вазера, Георг написал: «Благочестивый цюрихский гражданин ждет тебя сегодня вечером у меня. Приходи и укрепи его в вере». Записку он вложил в Библию, раскрытую на книге о Маккавеях.

Солнце уже знойно горело, когда Енач показал своему спутнику на грозный силуэт крепости, поднимавшейся из широко раскинувшейся долины Адды, – чудовище, как он называл ее, протягивавшее одну руку к Киавенне, а другую – к Вальтеллине. На дороге за холмами стлалось длинное облако пыли. Острые глаза горца разглядели длинный обоз, из чего он вывел заключение, что Фуэнте снабжается провиантом и готовится, по-видимому, к продолжительной осаде. А между тем в Граубюндене говорили, что свирепствовавшая там болотная лихорадка унесла добрую половину гарнизона и что испанцы считают пребывание в

крепости равносильным смертному приговору. Слухи эти подтвердил Еначу и один молодой подпоручик, который заболел в крепости. Во избежание бесславного конца он отпросился в отпуск для лечения горным воздухом и провел две недели в Бербенне, где жил Енач. Он привез с собой новую испанскую книгу, чтобы скоротать дни отдыха, такую забавную книгу, что ему совестно было наслаждаться ею одному, и он дал ее почитать и молодому пастору. Енач произвел на него приятное впечатление, и он полагал, что пастор, хорошо владевший испанским языком, сумеет оцепить по достоинству эту веселую книжку, этого восхитительного «Идальго Дон Кихота», – так называлась книга, оставленная в Бербенне офицером. Енач и решил использовать его сегодня как ключ к испанской крепости.

Ворота крепости распахнулись перед первой партией обозных воев, и Енач погнал скорее своего мула, рассчитывая, что теперь им удастся без больших затруднений проникнуть в крепость. Но, подъехав ближе, они увидели перед собою на подъемном мосту испанского офицера, сухого как жердь, с желтым, изможденным лицом: лихорадка оставила на нем одни лишь кости да кожу... Он недоверчиво смерил их обоих глазами, обведенными широкими темными кругами, и на учтивый вопрос Енача о здоровье его молодого приятеля отрывисто бросил:

– Уехал...

Енач стал расспрашивать, куда он уехал, надолго ли, добавив, что привез кое-какие вещи, принадлежащие молодому подпоручику.

Испанец ответил с горечью:

– Он уехал туда, откуда не возвращаются... Можете оставить у себя его вещи как наследство. – И он указал пальцем своей костлявой руки на темные кипарисы лежавшего недалеко кладбища. Затем бросил приказание часовому и повернулся спиной к Еначу и Вазеру.

Енач не мог придумать другого способа проникнуть в строго охранявшуюся крепость и предложил Вазеру поехать дальше к озеру Комо, ласково светившемуся в отдалении. Они скоро подъехали к оживленному берегу северной части озера. С глубокой поверхности, усеянной парусами, повеяло на них живительной прохладой. Маленький залив запружен был судами, которые спешно разгружались в это время. Масло, вино, сырой шелк и другие продукты богатой Ломбардии отправлялись отсюда на возах и мулах через горы в глубь страны. Площадь перед большим каменным заезжим домом своим оглушительным шумом и веселой суетой напоминала ярмарку. Енач и Вазер с трудом пробрались между корзин с большими душистыми персиками и сливами к сводчатым воротам гостиницы. В темном проходе под сводами хозяин, стоя на коленях перед большой винной бочкой, нацеживал красноватое пенившееся вино для обступавших его истомленных жаждой гостей. Енач заглянул в окна и, убедившись, что среди шумевших людей и голодных псов, которые терлись тут же около гостей, им не найти места для отдыха, направился к саду. Это был густой виноградник, огражденный от озера каменной стеной; пышная выющаяся зелень покрывала ограду. Вода тихо плескалась у стен и полуосыпавшихся каменных ступеней пристани.

Хозяин, окруженный густой толпой крестьян, протягивавших ему свои пустые кувшины, заметив, что Енач направляется в сад, сделал испуганное движение и хотел было остановить его. Но в то же мгновение из сада вышел юноша в одежде чужеземного покроя и, приветливо поклонившись, обратился к Вазеру на изысканном французском языке:

– Мой господин, его светлость герцог Генрих Роган, находящийся здесь проездом в Венецию, увидел из сада, где он сейчас отдыхает, двух подъехавших к гостинице протестантских священников и просит вас, не стесняясь его присутствием, пожаловать в сад, если вам угодно уйти подальше от этого шума.

Вазер, обрадованный этим счастливым случаем и оказанной ему честью, ответил таким же безупречным, но несколько вычурным французским языком, что он и его друг сочтут для себя честью разрешение лично поблагодарить герцога за оказанное им внимание.

Они вошли вслед за шедшим впереди юношей в сад. Южная часть сада выдавалась вперед террасой, висевшей над самым озером. За сквозными зелеными стенами играли пестрые шелковые ткани, и в оживленный женский говор вплетался звонкий, радостный смех ребенка. На бархатных подушках полулежала стройная, бледная женщина. Ее быстрая речь и подвижное лицо говорили о внутренней тревоге, мешавшей ей насладиться освежающим отдыхом. Перед нею семенила ножками и взвизгивала от удовольствия двухлетняя девочка. Миловидная, чистенькая няня держала ребенка за обе ручки. Итальянский мальчик-подросток, робко стоявший в нескольких шагах от террасы, наигрывал на мандолине грустную народную песенку...

Герцог сидел в другом, тихом углу сада, на низкой каменной ограде, о которую плескались голубые волны. На коленях его лежала карта. Он смотрел на нее и недоверчиво сравнивал выведенные на ней линии с заслонявшими горизонт горными громадами.

Вазер с глубоким поклоном представился герцогу и затем представил своего спутника. Глаза Рогана тотчас остановились на лице Енача, неотразимо привлекательном своей дикой, суровой энергией.

— Я решил, судя по вашей одежде, что вы протестантский священник, — сказал он, внимательно разглядывая его. — Но, несмотря на ваши черные глаза и несмотря на то что встретились мы в Италии, вы не итальянец. Очевидно, вы сын близкой отсюда Реции. И я попрошу вас растолковать мне расположение гор, которые я видел вчера, переезжая через Шплюген. По моей карте я ничего не могу... Присядьте подле меня.

Енач с жадным любопытством взгляделся в превосходную карту и тотчас нашел то, что ему нужно было. Несколькими меткими штрихами нарисовал он перед герцогом картину географического положения его страны — хаос долин и ущелий стройно очертил реками, вытекающими из них к трем разным морям. Затем заговорил о бесчисленных горных проходах и, оживляясь, с увлечением и поразительным знанием дела осветил их военное значение.

Герцог с явным благоволением и возрастающим интересом слушал объяснение Енача; потом он задумчиво остановил на нем свои добрые, умные глаза.

— Я солдат и горжусь этим, — заговорил он, — но бывают мгновения, когда я завидую счастью людей, проповедующих «блаженны миротворцы»... В наше время одна и та же рука не может сжимать меч апостола и меч воина. Мы живем уже не в век героев и пророков, господин пастор. Двойные роли Самуила и Гедона давно уже сыграны... В наше время каждый должен быть верен своему призванию. Я считаю большим бедствием для моей родины, — продолжал он со вздохом, — что наши французские священники-евангелисты не нашли в себе в нужную минуту ни мужества, ни спокойствия и подстрекали народ к гражданской войне. Государственные деятели должны их защищать. Священник же должен заботиться о душах своих прихожан; он легко может стать виновником величайших бедствий...

Енач вспыхнул, нахмурился и ничего не ответил.

В это время подошел паж и почтительно доложил, что барка герцога готова к отплытию. Герцог милостиво распростился с молодыми людьми.

На обратном пути домой Вазер стал распространяться о политической роли герцога, которому его протестантские сограждане обязаны были миром, наступившим наконец после долгих внутренних распрей. По его мнению, нельзя было, однако, рассчитывать на продолжительность этого мира, и он не пожалел красок, чтобы изобразить перед Еначем положение Рогана и французских протестантов в самом безотрадном свете. Самолюбие его задето было тем, что герцог оказал столько внимания Еначу, и тем, что сам он все время оставался в тени, вернее, даже совсем стушеввался благодаря присутствию Георга...

– Начиная с Генриха Четвертого, – говорил он, – французская политика ставит себе задачей защищать протестантов в Германии от немилости императора и преследования властей. В самой же Франции протестанты систематически притесняются: Франция рассчитывает путем восстановления политического единства обрести силу для внешней борьбы. И таким путем создается странное положение: французские протестанты должны погибнуть, для того чтобы немецким протестантам обеспечена была дипломатическая и военная помощь Франции, без которой им не обойтись. И, несмотря на высокое положение герцога и его личные достоинства, ему грозит опасность растратить свою энергию в неразрешимых конфликтах и утратить свое влияние при французском дворе. Теперь он увозит жену и ребенка в Венецию, очевидно затем, чтобы чувствовать себя совершенно свободным, когда разразится надвигающаяся политическая гроза.

– Но какой ты стал тонкий дипломат! – рассмеялся Георг и добавил: – Жарко, вон там овин... Не привязать ли наших мулов в тени, а? И ты преклонил бы свою мудрую голову на стог сена... Идет?

Вазер согласился, и через несколько минут они оба растянулись на душистом ложе и тотчас уснули.

Когда Вазер проснулся, Енач стоял перед ним и насмешливо смотрел на него.

– Ну, милый мой, какая у тебя утомительная, восторженная физиономия была во сне... Говори, что тебе снилось? Твоя зазноба?

– Ты хочешь сказать, моя глубокочтимая невеста? Это было бы вполне естественно... Но мне и в самом деле приснился удивительный сон...

– Догадываюсь, тебе снилось, что ты цюрихский бургомистр?..

– Почти что так... – ответил Вазер, сосредоточенно вспоминая свой сон. – Я читал в ратуше доклад о политическом положении в Граубюндене и значении крепости Фуэнте. Когда я кончил, сидевший неподалеку от меня член магистрата обратился ко мне и сказал: «Я вполне разделяю мнение почтенного господина бургомистра...» Я оглянулся на все стороны, но бургомистра не было: я сидел на его месте с цепью на шее.

– И мне тоже снился странный сон, – сказал Енач. – Ты слышал, быть может, что в Куре сейчас находится один венгерский астролог и хиромант. Когда я ездил в последний раз на заседание синода, я однажды ночью разговаривал с этим астрологом...

– Астрология, какой ужас! Ты, духовное лицо!.. – воскликнул Вазер. – Да ведь она отрицает свободу человеческой воли, основу всякого нравственного чувства... Я решительный сторонник человеческой свободы...

– Это очень благородно с твоей стороны... – невозмутимо продолжал Георг. – Но, между прочим, ничего определенного у этого чародея узнать не удалось. Одно из двух: или он не знает ничего, или не решался быть со мной откровенным, опасаясь, быть может, что я выдам его... И вот сейчас я видел его во сне. Я приставил к его горлу нож и потребовал, чтобы он открыл мне мое будущее. Тогда он решился и с торжественными словами: «Вот твоя судьба!» – отдернул занавес со своего волшебного зеркала. Сначала я видел только светлую гладь озера, а потом разглядел обросшую зеленью ограду, на которой сидел тихий и бледный герцог Роган с картой Граубюндена на коленях.

VI

Друзья, спокойно разговаривая, выехали опять на широкую дорогу, шедшую вверх в Вальтеллину. Вскоре они увидели перед собою светлый замок и стены Морбеньо.

– Браво, тебе везет! – воскликнул Енач. – Сейчас познакомишься с удивительным человеком, отцом Панкратием. Вот он едет... Лет десять назад он был монахом капуцинского монастыря, духовником в женском монастыре в Казисе. Если бы все наши капуцины были

такими славными граубюнденцами, как этот, и такими остроумными собеседниками, никто их не трогал бы... Монастырь его мы упразднили. С тех пор он живет в каком-то монашеском ордене на озере Комо, ведет бродячую жизнь, читает проповеди и собирает пожертвования для бедных...

– Я его знаю немного, – ответил Вазер. – В прошедшем году он собирал в Цюрихе пожертвования в пользу обедневших жителей, спасшихся из разрушенного горным обвалом Плурса, причем всюду подчеркивал, что в таких несчастных случаях должны быть забыты всякие религиозные различия и люди должны, как настоящие братья-христиане, протягивать друг другу руку помощи... Но вскоре после того мне попала на глаза его брошюрка, в которой он, к моей досаде и изумлению, грубо доказывал, что горный обвал был предостережением свыше, карой Божией за снисходительное отношение к ереси... Ведь это же прямо преступная двуличность!

– Ну и что, разве можно поставить это в укор капуцину, да еще вдобавок практичному человеку! – ответил Георг, смеясь. – Вот, узнал меня и пустил своего ослика рысью...

Капуцин так быстро погнал своего ослика, который кроме своего всадника нес на себе еще две полные корзины, что на дороге взвился столб пыли. Но веселого приветствия, которого ждал Вазер, не последовало.

Панкратий подался вперед своим коротким туловищем, правой рукою делая им знаки, чтобы они повернули обратно. Наконец он подъехал к ним вплотную и заговорил:

– Поворачивай назад, Енач! В Морбенью тебе нельзя...

– Это что значит? – спокойно спросил Георг.

– Несчастье! – ответил Панкратий. – В Вальтеллине знамения и чудеса... В народе паника... Одни молятся по церквам, другие заряжают ружья и точат ножи. Тебе нельзя показаться в Морбенью... И домой не возвращайся, поверни мула обратно и беги в Киавенну...

– Что? И оставить жену на произвол судьбы? И не предупредить друзей? – возмутился Енач. – Ни Александра, ни моего верного Фауша? Только не это! Я вернусь домой через Адду, а в Морбенью, так и быть уж, не поеду... Мой товарищ, Генрих Вазер из Цюриха, не пугливого десятка... И ты, Панкратий, уж сделаешь мне одолжение и поедешь с нами... Ты переночуешь у меня. Мои прихожане не такие уже безбожники, они не посмеют осквернить рясу францисканского монаха.

Монах, подумав немного, согласился.

– Была не была, – сказал он, – сегодня я твой защитник, в другой раз ты за меня вступишься...

И они быстрой рысью поехали в Бербенн.

Вазеру мало улыбалась перспектива новых необычайных приключений, но он не показывал вида, что устал уже от неожиданностей, и в то же время считал для себя долгом чести оправдать похвалу Георга и доказать свою храбрость.

В воздухе стлался мирный вечерний благовест, когда они подъезжали к пасторскому дому в Бербенне. Под низкими сводами ворот, поросшими выющейся зеленью, стоял широкоплечий серьезный человек небольшого роста с выразительным лицом и задумчиво и внимательно вертел в руках свою шляпу. Он поворачивал ее во все стороны, разглядывая ее на свет. Это была черная войлочная шляпа с высоким доньшком.

– Фауш, что это ты так глубокомысленно изучаешь? – крикнул ему Енач. – Что случилось с твоей шляпой? Никак дно продырявлено? Что это, рупор из нее хочешь сделать, чтобы усилить впечатление от своего баса?

Маленький человек озабоченно ответил:

– Да ты погляди на эту дыру, Енач. Края обожжены, видишь? Шляпа прострелена насквозь пулей, которой угодил в меня один из твоих односельчан, когда я спускался сюда виноградниками. Пуля, конечно, предназначалась тебе. Из-за стен видна была лишь моя

голова, а головы наши, как тебе известно, схожи как две капли воды... Черт побери, – добавил он с сердцем, – сложу с себя священный сан... Очень уже неравны наши силы. Нам разрешается одно лишь оружие – духовное, а плоть нашу враги наши могут калечить и кромсать железом и свинцом!..

– Помни обет, который ты дал, Фауш, сын мой, проповедовать Евангелие *usque ad martyrium* (до мученичества)... – раздался глухой голос со скамьи, стоявшей в тени зеленого навеса.

За столиком сидел прямой седой старик. Прекрасная Люция наливала ему вина в стакан, но, едва завидев мужа, она бросилась к нему и прижалась к нему, бледная и испуганная, словно искала на его груди защиты от томившей ее тревоги.

– *Exclusine*, Блазиус! *Exclusine*... Но всему есть предел! – ответил Фауш и, подойдя к товарищу, взял его стакан и осушил его до дна.

Енач познакомил Вазера с пастором Блазиусом и представил ему пастора Лоренца Фауша. Этот тоже учился когда-то в Цюрихе, и у Вазера осталось о нем воспоминание как об очень беспутном и бестолковом малом.

– Он играл в здешних событиях выдающуюся роль, – добавил Георг, дружески хлопая Фауша по плечу.

Отец Панкратий был, по-видимому, с обоими пасторами на дружеской ноге, а Фауш, обращаясь на этот раз к Вазеру, возбужденно продолжал:

– Так-то, цюрихский барин!.. В твоём благословенном Цюрихе ты чинно идешь к проповеди и, поднимая глаза от молитвенника, высматриваешь среди молящихся свою даму сердца, а я, горемычный ратник Божий, всегда с трепетом вхожу на амвон и каждую минуту жду, что кто-нибудь из моих прихожан всадит мне сзади нож в спину или пустит в меня пулю... Но, – добавил он, когда они вошли в дом, – довольно с меня! Сегодняшняя пуля решила мою судьбу... Чаша переполнена... Я получил наследство от моей тетки в Парпане, двести золотых гульденов... И теперь долой эту рясу! – И он взялся обеими руками за полы своего духовного одеяния.

– погоди, брат, это мы вместе обсудим и устроим... – сказал Енач. – И моя чаша переполнилась сегодня до краев... Меня гонит из церкви не злая пуля, а доброе дружеское слово... Герцог Генрих прав, – обратился он к изумленному Вазеру, – меч и Библия несовместимы... Граубюндену сейчас нужен меч, и я слагаю с себя духовное оружие, чтобы без всяких колебаний взяться за мирское.

С этими словами он сорвал с себя рясу, снял со стены длинный меч и прикрепил его к своему тугому кожаному поясу.

– Черт побери, занятно! – громко смеясь, воскликнул монах. – И меня охота берет последовать вашему примеру. Но моя темная ряса больно крепка, из другого материала выткана и посolidнее будет ваших сюртучков, мои миленькие...

Блазиус, без малейшего удивления, но с явным несочувствием наблюдавший эту сцену, скрестил руки и торжественно молвил:

– А я пребуду на моем посту до конца, *usque ad martyrium*... и с Божией помощью спокойно приму мученическую смерть...

Нет в мире смерти слаще
Перед лицом врага!.. —

с горящими глазами пропел Енач.

– А я кондитерскую открою, – серьезно заявил Фауш, – и небольшую винную торговлю...

Он сел за стол, снял с пояса кожаный кисет и принялся считать свои деньги, раскладывая золотые небольшими горками.

Енач же обнял вошедшую в комнату Люцию и с горячей нежностью поцеловал ее:

– Ну вот, радость моя, твой Георг сбросил наконец с себя черную рясу, восстановившую против тебя твоих родных. Мы уедем отсюда, и тебе будет хорошо. Увидишь, каким счастьем и почетом окружит тебя твой муж...

Она вспыхнула от радости и с восторгом смотрела на возбужденное и искрившееся счастьем лицо Георга. Таким она никогда еще не видела его. И темная тревога, постоянно томившая ее, превращавшая ее жизнь на родине в ад, таяла в эти мгновения в ее сердце...

– Вот, Георг, брат мой, – заговорил Фауш, сосчитавший наконец свои деньги, – вот тебе на коня и на латы – мой подарок ко дню твоего боевого крещения. Лучше я свой капитал поместить не могу... Мне и одной сотни гульденов хватит. – И он подвинул к Георгу половину своего маленького наследства.

Георг пожал протянутую ему короткую, широкую руку без особого, впрочем, волнения и сгреб золото в карман.

Вазер между тем подсел к отцу Панкратию. Его развязность, веселость, самообладание казались ему подозрительными. Он хотел присмотреться к нему поближе и убедиться, что это за человек. Но все его недоверие исчезло, когда он увидел, как горячо старик принимал к сердцу судьбу граубюнденцев, как верно он учитывал опасность создавшегося положения и как чутко улавливал признаки надвигающейся грозы.

– Я боюсь, – говорил отец Панкратий, – что на этот раз за дело взялись власть имущие... Испанцы ли или граубюнденцы, все равно – они злоупотребляют простой, бесхитростной верой вальтеллинцев ради своих корыстолюбивых и властолюбивых целей... Горе им, они разжигают адское пламя, и кровь, которую они проливают, раньше или позже их же самих потопит в своих волнах... В Морбеньо говорили, что злодейская шайка Робустелли уже двинулась сюда. Дай бог, чтобы это оказалось вымыслом, но если это правда, имейте это в виду, господа, – сказал он, вставая и обращаясь к трем граубюнденцам, – протестантам нельзя будет ни одной минуты дольше оставаться в Вальтеллине.

– Верно! Панкратий прав, друзья мои, – заговорил тогда Енач. – Теперь ни минуты терять нельзя. Надо уходить отсюда... Мы скличем сейчас наших единоверцев и погоним наше духовное стадо вместе с женами и детьми через горы в Граубюнден...

Он открыл сундук и быстро вынул оттуда кучу бумаг. Одни он разрывал, другие записывал в свои карманы.

Блазиус покачал головой, когда Георг заговорил о бегстве, и стал хмуро заряжать свое ружье, которое не забыл захватить с собой, порохом из своей огромной фамильной пороховницы, висевшей у него на боку. Затем он поставил ружье между колен и начал медленно и беспрерывно осушать стакан за стаканом, но крепкое вино несколько не меняло холодного, спокойного выражения его глаз, не зажигало красками его бледного лица...

Вазер внимательно следил за ним, но наконец не удержался и заметил, что благородный напиток, поглощаемый пастором Блазиусом в таком количестве, может, пожалуй, броситься ему в голову и замутить ясность его духа, которая нужна будет друзьям в приближающиеся минуты опасности.

Старик презрительно взглянул на него, ответив просто и спокойно:

– Бог создал меня и дал мне силу – я все могу.

– Вот это слово христианина! – воскликнул монах, звякнул своим стаканом о стакан Блазиуса и протянул ему руку через стол.

Тем временем выплыл на небо месяц и облил верхушки вязов и густую листву фиговых деревьев ярким серебристым светом. Лунный свет, проникавший в большую широкую комнату сквозь узкие, с железными решетками окна, обрисовал их контуры на каменном полу.

Люция поставила на стол итальянскую железную масляную лампочку; потом подняла зажженный фитиль, и мигом вспыхнули еще три огонька в висячей лампочке, бросая красный отблеск на ее прелестное лицо, склоненное над приборами.

Ее невинный рот улыбался, она радовалась тому, что уедет из опостылевшей ей родной деревни со своим мужем, в которого верила, как в Бога... Вазер, зачарованный красотой молодой женщины, не сводил глаз с ее мягко освещенного лица, дышавшего неизъяснимо-трогательной детской доверчивостью.

Вдруг лампа сорвалась с потолка на пол и погасла. В окно грянул выстрел. Мужчины вскочили, словно их подбросило. Люция беззвучно упала навзничь – смертельная пуля поразила кроткую Люцию в грудь. Вазер с ужасом смотрел на прекрасное умирающее лицо, освещенное луной. Енач, стоя на коленях, держал ее голову в своих руках и плакал навзрыд. Отец Панкратий старался опять зажечь лампу.

Блазиус, взяв свое ружье, твердыми шагами вышел в ярко озаренный месяцем сад. Ему недолго пришлось искать убийцу.

Между стволами деревьев сидел на корточках человек с густыми, всклокоченными кудрями, скрывавшими его лицо, и, перебирая четки, стонал и молился. Подле него лежало еще дымившееся тяжелое простое ружье.

Блазиус без колебаний приставил дуло своего мушкета к его виску и прострелил ему голову насквозь. Затем повернул к себе его лицо и пробормотал:

– Так я и думал – Августин, юродивый Августин!

Он выпрямился и вслушивался несколько мгновений. Потом, осмотрев через ограду улицу, быстро пошел опять к дому. Сквозь ночную тишину он уловил смутный шум.

«Так, одна птичка прочирикала, – проговорил он про себя, – скоро прилетит их целая стая...»

В то же мгновение донесся из деревни пронзительный крик, и тотчас же загудел набат. Торопливо и смятенно выбивал тревогу церковный колокол. Блазиусу бросился тогда в глаза предательский свет лампы, он захлопнул плотнее ставни и вошел в дом с твердым намерением защищаться вместе с друзьями до последней капли крови. На улице уже гремели выстрелы, и скоро ворота затрещали под ударами дубинок. Фауш успел запереть их на засов и побежал наверх, чтобы выглянуть на улицу из слухового окошка. Блазиус опять зарядил свой мушкет и стал за решетчатым окном в кухне, выходившим на улицу, как за бойницей.

– Негодяи! – бросил он Вазеру, выходившему из отведенной ему комнатки со своим коротким кинжалом. – Но мы дешево нашей жизни не отдадим...

– Ради бога, пастор, – убеждал его Вазер, – неужели вы, служитель слова Божия, решитесь стрелять в людей?..

– Кто не внемлет слову Божию, должен его восчувствовать!.. – хладнокровно ответил старик.

Но тут Панкратий обеими руками оттащил его от окна.

– Да ты нас погубишь всех своим дурацким ружьем... Сейчас отсюда убирайтесь и бегите в горы...

– Господи помилуй! – раздался голос Фауша. – Их целая рать... они ломятся в ворота... Мы погибли!..

– Сейчас же бегите отсюда! – кричал патер под удары топоров, сыпавшихся на ворота.

– Хорошо, хорошо, ты прав! – сказал Блазиус и обеими руками стал таскать из кухни кучи хвороста и соломы, наваливая их между обеими дверями. – Мы проберемся задним ходом к леднику Бондаско, а оттуда в Бергенн... Фауш, скорее открывай все окна наверху, чтобы больше тяги было... И беги отсюда!

Фауш спустился вниз, нагруженный разными съестными припасами, которые успел собрать где попало, и тут только Вазер вспомнил о Еначе.

– Ну вот, теперь, Панкратий, дороги наши расходятся! – сказал старый пастор и пожал монаху руку через стену из хвороста и соломы.

Наружная дверь уже трещала, и дикий рев заглушал его слова.

– Тебе остается этот выход. Наше же бегство другим выходом прикроет огонь.

И с этими словами он зажег хворост.

– Назад, братья!

Когда огонь взметнулся высоким столбом, Енач появился на пороге с мертвым телом своей жены на руках. В правой руке его блестел длинный меч, в левой он легко держал мертвую Люцию. Казалось, он и не ощущал ее тяжести. Прелестная голова ее тихо покоилась на его плече, как голова спящей женщины. Он не хотел оставить ее мертвую на поругание. И, несмотря на весь ужас этой минуты, Вазер не мог оторвать глаз от его лица, неотразимого в безмолвной ярости и непримиримой скорби. Ангела мести напоминал ему в этот миг Енач, несущего безгрешную душу сквозь огонь. Это был не вестник светлого мира, а грозный вестник ужаса и печали...

В то время как они все убегали в горы через сад, отец Панкратий мужественно ждал мгновения, когда дверь разлетится в щепки. Тогда он высоко поднял правую руку с распятием и крикнул толпе, задыхавшейся от жажды крови:

– Куда вы? Мать Пресвятая!.. Остановитесь, говорю вам... Или хотите сгореть вместе с еретиками... Огонь с неба сожрал их... Гасите, спасайте ваши дома!..

За его спиной ярче и шумнее разгорался костер. С нечеловеческими криками и ревом отпрянули назад испуганные люди, и поднялось неопишное смятение. В одно мгновение распространилась легенда, что святой Франциск собственноручно расправился с еретиками в пасторском доме и самолично предстал потом перед верующими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.